

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ,

партизанъ и поэтъ.

род. 1784 † 1839.

Представляя на страницахъ „Русской Старины“ записки о польской кампаніи 1831 г. и о польскихъ событіяхъ 1830 г., составленныя моимъ отцемъ, и хранящіяся у меня со всѣми его бумагами, я считаю необходимымъ предпослать отъ себя нѣсколько строкъ, дабы рельефнѣе очертить, какъ литературныя, такъ и боевыя труды моего отца, и тѣмъ вѣрнѣе обрисовать личность и причины, повліявшія на политическую его дѣятельность. Обращусь къ семейнымъ преданіямъ.

Всѣмъ членамъ моего семейства и рода изстари чины и почести, или не давались, или они не искали ихъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и были боярами и воеводами при царяхъ Іоаннѣ Грозномъ, Ѳеодорѣ и Алексѣѣ, и въ послѣднихъ царствованіяхъ дослуживались до чиновъ бригадировъ и генераль-маіоровъ, но никогда не выдавались изъ толпы и не играли ролей временщиковъ и царедворцевъ, несмотря на наслѣдственный умъ, на богатство, познанія и путешествія, достоянія весьма немногихъ въ тѣ времена. Такъ прадѣдъ мой Денисъ Васильевичъ, женатый на Аниѣ Андреевнѣ Колычевой, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, былъ такъ образованъ, что пользуясь своимъ богатствомъ, послалъ сына своего Владиміра учиться за границу. У него было четыре сына: дѣдъ мой Василій Денисовичъ, женатый на Еленѣ Евдокимовнѣ Щербининой; Левъ Денисовичъ—на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской, рожденной графини Самойловой, матери славнаго Н. Н. Раевского; Владиміръ Денисовичъ—на Прасковьѣ Николаевнѣ Лопухиной, по матери родной тетки графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, и Дмитрій Денисовичъ, оставшійся холостымъ, и дочь Марья Денисовна, замужемъ сначала за Михаиломъ Каховскимъ, а потомъ за Петромъ Алексѣвичемъ Ермоловымъ, отцомъ кавказскаго героя А. П. Ермолова. Несмотря на эти родственныя связи, на всеобщее уваженіе, которымъ пользовались всѣ

они, никто изъ нихъ не сдѣлалъ себѣ политическую карьеру, не вышлся быстро на служебныхъ поприщахъ, но въ тоже время каждый честно исполнялъ свои гражданскія обязанности, не вмѣшиваясь и не участвуя въ царедворскихъ интригахъ. Дѣдъ мой Василій Денисовичъ, какъ уже извѣстно по статьѣ отца моего: „Встрѣча съ великимъ Суворовымъ“ (собр. соч. Давид. изд. 1860 г. т. II стр. 1), командовалъ Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ и уже бригадиромъ въ царствование императора Павла, былъ преданъ суду съ конфискованіемъ имѣнія за беспорядки по полку. Я не знаю подробностей этого дѣла, но помню, что отецъ мой рассказывалъ часто о крайности, до которой доходила тогда его семья. Бывъ въ то время юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку, онъ долженъ былъ питаться болѣе мѣсяца однимъ картофелемъ. Дѣдъ мой пріѣзжалъ хлопотать по своему дѣлу въ Петербургъ, и напуганный всѣми рассказами о невыгодахъ встрѣчи съ императоромъ Павломъ, долженъ былъ разъ спрятаться подъ какой-то мостъ при проѣздѣ государя! Все это смутно мерещится въ моей памяти, но знаю достоверно, что, по рѣшенію суда, на дѣда моего пала весьма значительная сумма, которая по смерти его была разложена на всѣхъ его наслѣдниковъ, и только въ 1815 или 1816 году была сложена Александромъ I за службу отца моего въ 1812 году. Хотя дѣдъ мой и былъ женатъ на дочери бывшего Новороссійскаго намѣстника Щербинина, но состояніе имѣлъ весьма ограниченное отъ двухъ причинъ: по страсти къ игрѣ и отъ широкой размахистой жизни, вполне русской. Онъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ и острѣйшихъ людей того времени и такъ любимъ друзьями, что несмотря на опалу его и страхъ къ Павлу во время его суда, они толпами бывали и жилали у него. Знаю отъ отца моего и князя Ивана Алексѣевича Крапоткина, командовавшаго въ его полку эскадрономъ, что извѣстіе о преданіи его суду застало дѣда моего въ Москвѣ, и въ этотъ самый день вся улица была загромождена экипажами лицъ, спѣшившихъ заявить ему ихъ сочувствіе. А тогда дорого могли обойтись подобныя изъявленія чувствъ! Пагубная страсть къ игрѣ дѣда моего такъ подѣйствовала на отца моего, что онъ и братъ его Евдокимъ никогда не играли въ карты, и только въ старости уже выучились въ модную тогда игру мушку, которую играли оба весьма дурно.

У отца моего было два брата: генераль-маіоръ Евдокимъ Васильевичъ, женатый на Екатеринѣ Николаевнѣ Ермоловой, и Левъ Васильевичъ, женатый на Аннѣ Васильевнѣ Лихачевой, и сестра Александра Васильевна за тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ Дмитриемъ Никитичемъ Бѣгичевымъ.

Отецъ часто говаривалъ намъ всѣмъ, что онъ имѣлъ такую безграничную любовь къ отцу своему, что часто въ самомъ пылу кипучей своей молодости, онъ удерживался отъ какого либо проступка, при мысли: что сказалъ бы онъ, еслибы то видѣлъ. Но молодость и всеобщій потокъ тогдашняго направленія общества брали свое и съ перваго шага отца моего на общественную дѣятельность, онъ несъ въ себѣ отпечатокъ тогдашнихъ нравовъ. Всѣ личности, выходящія изъ общаго уровня обыденнаго строя, носящія въ себѣ огонь поэзии, не могутъ легко уложиться въ тѣсную рамку общественныхъ требованій. Такъ было и съ нимъ. Человѣкъ съ огромнымъ и свѣтлымъ умомъ, съ обширными военными способностями и знаніями, съ блистательною храбростію, отъ души любимый начальниками и товарищами, съ прямымъ, открытымъ и откровеннымъ характеромъ, поэтъ въ душѣ, поэтъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни, виновникъ и честный исполнитель партизанской войны 1812 года,—отецъ мой, несмотря на это рѣдкое сочетаніе качествъ, не только не сдѣлалъ себѣ карьеры, но даже каждый знакъ отличія долженъ былъ брать грудью. Счастливъ еще, когда прослуживъ двѣ, три кампаніи со всѣмъ пыломъ и любовью къ военному ремеслу, онъ бывалъ награжденъ за одну. Увы! тому причиною общій порокъ семьи: духъ свободы, нетерпящій стѣсненія слова, дѣйствія безъ оглядки, русское удалство очертя голову, и за все отвѣтъ—своей головой. Таковъ былъ отецъ. На первыхъ же порахъ своего служенія обратилъ на себя вниманіе начальства двумя баснями „Голова и ноги“ и „Рѣка и зеркало“, за которыя онъ былъ переведенъ въ армію. Нынѣ, по прошествіи 72 лѣтъ, онѣ имѣютъ интересъ только автобіографическій и конечно, въ настоящее время, могутъ найти пріютъ на страницахъ „Русской Старины“. Печатаю ихъ съ автографовъ:

I.

Голова и ноги.

Уставши бѣгать ежедневно

По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги, очень гнѣвно,

Разговорились съ Головой:

«За что мы у тебя подъ властію такой?

Днемъ, ночью, осенью, весной,

Лишь вздумалось тебѣ, изволь бѣжать, таскаться .

Туда, сюда, куда велишь,

И словомъ, бѣдными Ногами

Какъ пашками вертишь».

— «Молчите дерзкія», имъ Голова сказала,

Какъ смѣете вы бунтовать,

Когда природой Намъ дано повелѣвать?»

— «Все это хорошо, пусть ты-бъ новелѣвала,
 По крайней мѣрѣ насъ повсюду не швырала.
 Да между нами, вѣдь признаться,
 Коль право ты имѣешь управляться,
 То мы имѣемъ право спотыкаться,
 И можемъ иногда, споткнувшись—какъ же быть—
 Твое (могущество) объ камень разшибить».

Смыслъ этой басни всякій знаетъ;
 Но должнотсь! молчать:
 Дуракъ лишь все болтаетъ.

II.

Рѣка и Зеркало *).

За правду кокую, за истину святую,
 За сихъ враговъ царей,—деспотъ
 Вельможу осудилъ; главу его сѣду
 Велѣлъ снести на эшафотъ.
 Но сей успѣлъ добиться —
 Предъ грознаго царя предстать,
 Не съ тѣмъ, чтобъ плакать, иль крушиться,
 Но, если правды не боится,
 То, чтобы басню рассказать.
 Царь жаждетъ словъ его—философъ не страпится,
 И твердымъ гласомъ говорить:
 — «Ребенокъ нѣкогда сердился,
 Увидѣвъ въ зеркалѣ свой безобразный видъ;
 Ну въ зеркало стучать, и въ сердцѣ веселится,
 Что можетъ зеркало разбить.
 На утро же, гуляя въ полѣ,
 Свой гнусный видъ въ рѣкѣ увидѣлъ онъ опять.
 Какъ рѣку истребить?—нельзя, и по неволѣ
 Онъ долженъ былъ и стыдъ и срамъ питать.
 Монархъ! стыдись, ужели это сходство
 Прилично для тебя?...
 Я зеркало—разбей меня,
 Рѣка—твое потомство;
 Ты въ ней найдешь еще себя».
 Монарха рѣчь сія такъ сильно убѣдила,
 Что онъ велѣлъ ему и жизнь и волю дать.
 Постойте, виновать,—велѣлъ сослать;
 А то бы эта была на басню походила.

*) Эта басня была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» т. LXXXIV, стр. 70, въ статьѣ нашей: «Къ біографіи Пушкина». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» она приведена въ томъ видѣ, въ какомъ найдена въ альбомѣ покойной владѣтельницы знаменитаго села Тригорскаго П. А. Осиповой, гдѣ она названа «Деспотъ». Приведенный тогда списокъ имѣетъ нѣсколько существенныхъ варьянтовъ проныръ напечатаннаго подлинника.

Стихи эти далеко не зрѣлы; не отчеканены, если можно такъ выразиться; это произведеніе юноши, высказывающаго свою мысль, безъ должнаго вниманія къ отдѣлкѣ, и если они получили пагубную для отца моего гласность, то это не по качеству ихъ, а по милости услужливыхъ друзей. Какъ бы то ни было, отецъ мой за нихъ былъ переведенъ изъ Кавалергардовъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, что помѣшало ему принять участіе въ Аустерлицкой битвѣ. Этотъ переводъ въ армію, вѣнецъ изгнанія придали ему своего рода славу, которая разрасталась все болѣе и болѣе отъ написанныхъ въ то время буйно-удалыхъ гусарскихъ стиховъ къ Бурцеву; но вмѣстѣ съ славой наложилъ на него и клеймо пьяницы и гуляки, тогда какъ въ сущности онъ никогда не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Эта репутація, къ несчастію оставшаяся за нимъ во всю его жизнь, во многомъ повредила ему въ отношеніяхъ къ властямъ. Приведу разговоръ на этотъ счетъ покойнаго государя Николая Павловича съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, въ Москвѣ, на балѣ князя Дмитрія Владиміровича Голицына, 17 мая 1835 года:

Государь. Какъ хороша Скрышница, какъ стройна!

Ермоловъ. Да, государь, она какъ стебель лиліи.

Государь. О! да ты поэтъ, какъ братъ твой Денисъ. Какъ жаль, что этотъ человѣкъ служить урывками. Съ его средствами и дарованіями чѣмъ бы онъ не былъ! Писалъ-ли ты когда вибудь стихи?

Ермоловъ. Никогда, государь, не могъ прибрать ни одной риемы и ни съ однимъ стихомъ не умѣлъ сладить.

Государь. А Денисъ пишетъ-ли стихи?

Ермоловъ. Рѣдко теперь—онъ занимается серьезными сочиненіями.

Государь. Я этого не зналъ; можетъ быть урывками, такъ же какъ и служить?

Ермоловъ. Нѣтъ, государь, весьма постоянно, можно сказать, какъ трудолюбивѣйшій комментаторъ.

Государь. Къ чему онъ не способенъ, когда захочетъ съ его способностями и дарованіемъ. Онъ однако прежде писалъ неприличные стихи.

Ермоловъ. Правда, государь, бывъ гусаромъ, онъ славилъ и пѣлъ вино, и оттого прослылъ пьяницей; а онъ такой же пьяница, какъ я.

Государь. Это я знаю; жаль, что онъ урывками служить. Онъ былъ-бы полезенъ и для всѣхъ и для себя и пошелъ-бы далеко.

Бабка моя по матери, рожденная Татищева, по милости разгульныхъ стиховъ отца, долго не соглашалась на его сватовство, и только

откровенность его помогла дѣлу и разсѣяла опасенія. Покойный князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, коротко его знавшій, весьма справедливо обрисовалъ удалыя замашки отца моего, сказавши про него: „Dawidoff, quand on le connait bien, n'est que le fanfaron du vice“ (Давыдовъ, когда его хорошо узнаешь, только хвастунъ своихъ пороковъ). Поэтъ въ душѣ, отецъ мой вдохновлялся всѣмъ, что выходило изъ общаго уровня жизни; онъ пѣлъ буйный разгулъ Бурцева такъ же искренно, какъ красу женщины, красу природы, все поражающее его воображеніе. Въ то время всякаго рода разгулъ былъ еще въ чести; это придавало молодому офицеру своего рода лоскъ и значеніе; частыя и шумныя попойки были дѣломъ обыденной жизни, а тѣмъ болѣе между гусарскою молодежью. Очень натурально, что отецъ мой, шедшій съ общимъ потокомъ, въ стихахъ своихъ увлекался жаждою разгульной славы, такъ же какъ и боевой, но удовольствовался ею только въ стихахъ. Въ душѣ своей, въ домашнемъ быту, онъ былъ весьма скромный и тихій семьянинъ, весьма строгой относительно самаго себя. Всякая слава преувеличиваетъ дѣянія, осѣняемая ею. Такъ было и съ моимъ отцомъ. Гибель острыхъ словъ и эпиграммъ были приписаны ему; масса стиховъ, болѣе или менѣе непристойныхъ или либеральныхъ, окрепчивались его именемъ. Слава его росла, но вмѣстѣ съ нею и злоба задѣтыхъ лицъ, и служебная карьера моего отца горько поплатилась за нее. У меня сохранились въ памяти стихи графа Васильева, пріятеля его, служившаго въ преображенскомъ полку, вотъ они:

Entre Denys de Syracuse
 Et Denis, dont la fertile muse
 Nous abreuve de vers et d'ennui,
 Savez vous quel rapport on trouve aujourd'hui?
 L' un, fondateur d'une des sept merveilles,
 Était le tyran de ses propres sujets,
 L' autre, pillant tous les sujets d'autrui,
 Est le tyran de nos oreilles.

Человѣку не честолюбивому семейное счастье, уваженіе и любовь друзей, могли бы быть замѣною честолюбія. Но не таковъ былъ отецъ мой. Онъ создалъ себѣ кумиръ изъ военной службы, жаждалъ военной славы, чувствовалъ себя часто выше посредственностей, дѣлающихъ его начальниками, и несправедливость судьбы и людей горько отзывались въ его сердцѣ. Какъ человѣкъ впечатлительный онъ не долго предавался ропоту; мысль, слово, надежда, и онъ забывалъ и горе и невзгоды, и пѣснь его снова пѣла любовь, вино и славу. До пятидесяти лѣтъ былъ такъ же юнъ сердцемъ, какъ и въ двадцать, и такъ же впечатлителенъ, и такъ же довѣрчивъ. Онъ былъ въ пол-

номъ смыслѣ слова поэтической натурою, немогущей ужиться съ прозаическими требованіями жизни. Спокойствіе и лѣнь были ему невыносимы. Точно для него сказали эти два стиха Лермонтовъ:

«А онъ, безумный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой».

Но для него въ нихъ былъ, если не покой, то наслажденіе. Война была его стихіею. Какъ прежніе запорожцы при кликѣ кошеваго, онъ бросалъ семью, друзей, все счастье домашняго очага, и торчалъ при первыхъ выстрѣлахъ на аванпостахъ, по собственному его выраженію, „какъ казачья пика“.

Я не пишу біографію моего отца, а потому приступаю къ воспоминаніямъ, сохранившимся въ моей памяти по его рассказамъ и его сослуживцевъ.

Отецъ мой поступилъ въ адъютанты къ кн. Багратиону въ 1806 году по ходатайству всемогущей въ то время Марьи Антоновны Нарышкиной, рожденной княжны Четвертинской, и жены оберъ-камергера Дмитрія Львовича Нарышкина. Знаю, что кромѣ самой искренней дружбы его къ брату ея, почтенному князю Борису Антоновичу*), отцу моему помогло еще то обстоятельство, что эта красивѣйшая и умнѣйшая женщина имѣла какое-то предчувствіе, что онъ прославится; она часто говорила какъ ему, такъ и другимъ, что въ его глазахъ видить „la flamme de l'immortalité“ и всѣми силами желала доставить ему этотъ случай. Не смотря на ее положеніе при дворѣ императора Александра, она, будучи вполнѣ очаровательной женщиной, отличала многихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и дядю моего Евдокима Васильевича. Съ отцомъ-же моимъ она была совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ; съ нимъ она обращалась какъ съ нѣжно-любимымъ сыномъ; ей онъ читалъ тогда свои страстно выпучіе стихи, ей повѣрялъ тайны своего сердца. Часто говаривалъ онъ, что эта женщина съ своею поэтической обстановкою, съ своимъ сердечнымъ къ нему участіемъ, имѣла огромное вліяніе на его судьбу, и часто была для него ангеломъ хранителемъ и утѣшителемъ въ невзгодахъ жизни. Не могу при этомъ не рассказать эпизодъ изъ жизни брата ея князя Бориса, имѣющій отношеніе къ ней.

Во время послѣднихъ происшествій въ Польшѣ въ 1791 году, отецъ князя Четвертинскаго за приверженность его къ Россіи былъ повѣшенъ чернью въ Варшавѣ. Императрица Екатерина призрѣла и облагодѣтельствовала сиротъ—двухъ дочерей и сына. Одна Марья Ан-

*) Умеръ въ Москвѣ, оберъ-штабмейстеромъ въ 1865 году, января 23-го, 84-хъ лѣтъ. В. Д.

тоновна, другая Жанета Антоновна Вишневская. Дѣвочки были сдѣланы фрейлинами и помѣщены во дворецъ. Молодой князь, ихъ братъ, былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ и потомъ произведенъ въ офицеры почти ребенкомъ. При вступленіи на престолъ императоровъ Павла и Александра милость двора къ нимъ не прекращалась и они всѣ бывали во дворцѣ какъ свои. При такой обстановкѣ, частыя посѣщенія Марьи Антоновны императоромъ Александромъ не могли сначала возбуждать подозрѣній ея брата, князя Бориса, служившаго тогда полковникомъ въ л. гв. гусарскомъ полку. Однажды князь зашелъ къ своей сестрѣ поздно вечеромъ и нашелъ ее весьма смущенной. Она ждала государя. Черезъ нѣкоторое время вошелъ Онъ, и прямо обратившись къ кн. Четвертинскому, обнялъ его, и признался ему чистосердечно, что любить его сестру и любить ею. При чемъ присовокупилъ, что къ довершенію полного его счастья, онъ желаетъ одного, чтобы князь былъ для него истиннымъ братомъ, и такимъ же искреннимъ, какимъ онъ самъ будетъ для него. Князь Борисъ былъ типомъ благородства, вполне рыцарь безъ страха и упрека, и не только не поддавался на сердечныя изліянія государя, но весьма почтительно показалъ ему, что это званіе не пришлось ему по сердцу. Мало по малу онъ сталъ удаляться отъ сестры; безвыѣздно жилъ въ Царскомъ Селѣ съ своимъ эскадрономъ, и держалъ себя вполне независимо отъ всѣхъ возможныхъ приманокъ и предложеній. Такой образъ дѣйствій не могъ нравиться, и послѣ кампаній 1805, 1806 и 1807 годовъ князь Четвертинскій подалъ въ отставку. Государь, вполне уважая его, старался, черезъ великаго князя Константина Павловича, удержать его, но наконецъ увидѣлъ себя въ необходимости уволить его. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, государь сохранилъ къ нему такую привязанность и память, что не бывало никогда отказа никому, если онъ узнавалъ, что кн. Четвертинскому это было-бы пріятно. Самъ же князь никогда ничего не просилъ*).

Во время служенія моего отца адъютантомъ при князѣ Багратионѣ, онъ видѣлъ въ немъ скорѣе самаго нѣжнаго попечителя, чѣмъ строгаго начальника. Въ служебныхъ обязанностяхъ, съ пылкостью его лѣтъ, онъ, всегда влюбленный, всегда ревнивый, часто отпрашивался у князя Петра Ивановича въ отпуска во время стоянки главной квартиры въ Житомирѣ, и пропадалъ по нѣскольکو недѣль. Получая извѣщенія, что князь Багратионъ такъ сердитъ, что рѣшился отправить его назадъ въ полкъ, онъ являлся и гнѣвъ князя пропадалъ.

*) Это мнѣ рассказано было женщиною, находившеюся съ княземъ въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ.

Разскажу одинъ случай, весьма характеризующій оба лица.

Во время командованія арміею княземъ Багратиономъ въ 1809 году въ Молдавіи, въ виду приготовленій къ войнѣ съ Турціею, на отца моего напала такая тоска по родинѣ, отъ которой большею частію люди безхарактерные накладываютъ на себя руки. Причиною тому была долгая разлука съ Россіею и любовь сильная и страстная, оставленная въ отечествѣ. Кн. Багратионъ, съ участіемъ слѣдившій за этимъ состояніемъ духа своего адъютанта, старался разсѣять его разными порученіями, но наконецъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отправить его на свой страхъ въ Россію, какъ на единственное средство исцѣленія. Отецъ мой, доѣхавши до границы, бросился на землю и долго со слезами цѣловалъ почву родимаго края. Онъ пробылъ всего двѣ недѣли и вернулся къ военнымъ дѣйствіямъ, вполне счастливый и исцѣленный, и всегда говаривалъ, что этимъ вниманіемъ князь Багратионъ спасъ ему жизнь и честь, ибо при его первомъ возбужденіи, онъ даже порывался бѣжать изъ арміи.

Въ то время жили въ имѣніи Каменкѣ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, вся семья Давыдовыхъ и Раевскихъ. Въ числѣ ихъ извѣстный хлѣбосоль и обжора, дядя мой Александръ Львовичъ Давыдовъ (братъ декабриста, полковника Василя Л. Давыдова), женатый на герцогинѣ Аглаѣ Граммонъ *). Эта женщина, весьма хорошенькая, вѣтренная и кокетливая, какъ истая француженка, искала въ шумѣ развлеченій средство не умереть со скуки въ варварской Россіи, но такъ ее полюбила со временемъ, что съ горестью возвращалась во Францію. За то она въ Каменкѣ была магнитомъ, привлекающимъ къ себѣ всѣхъ желѣзныхъ дѣятелей славнаго Александровскаго времени. Отъ главнокомандующихъ до корнетовъ, все жило и ликовало въ селѣ Каменкѣ, но главное умирало у ногъ прелестной Аглаи. Она была воспѣта отцемъ моимъ въ стихахъ: „Если Боги милосердые“ (т. III. стр. 48), „Не пробуждай“ (стр. 49), и впоследствии—Пушкинымъ. Тетка моя, и Н. Н. Раевского, по первому мужу, мать Петра, Александра и Василя Львовичей Давыдовыхъ, соединяла въ себѣ какую-то величавость съ рѣдкимъ простодушіемъ, или скорѣе близорукостью относительно нравовъ, въ этой маленькой Капуѣ,— и потому жизнь въ Каменкѣ осталась навсегда лучшимъ воспоминаніемъ молодости какъ отца, такъ и дяди моего, Алексѣя Петровича Ермолова. Но наступилъ страшный 1812 годъ и всѣ Каменки съ ихъ престестами были забыты для преслѣдованія другой женщины, болѣе

*) Дядя мой женился на ней въ Митавѣ во время пребыванія въ этомъ городѣ Людовика XVIII. Овдовѣвъ, она вышла замужъ за гр. Себастьяна.

суровой, чѣмъ Аглая,—славы. Не буду распространяться о дѣйстви-
ихъ моего отца въ эту достопамятную эпоху; скажу только, что
судьбѣ угодно было дать ему назначеніе партизана въ томъ самомъ
имѣніи, гдѣ протекло его младенчество. Я говорю о Бородинѣ. Эта
деревня, въ то время жалкое подмосковное село, принадлежала дѣду
моему. Онъ проводилъ тамъ лѣто, когда не уѣзжалъ въ Орловскія
имѣнія. Во время сраженія, еще находилась усадьба, занятая фельд-
маршаломъ кн. Кутузовымъ, съ его штабомъ. Послѣ Бородинскаго
погрома развалины помѣщичьей усадьбы, кажется, никогда не воз-
обновлялись и имѣніе было заброшено. Оно досталось теткѣ моей,
Александрѣ Васильевнѣ Бѣгичевой, и ею продано Воейкову, ко-
торый уже въ 1838 году продалъ Бородино нынѣ царствующему
императору. Какъ часто и охотно любилъ рассказывать отецъ мой
объ этой блистательной страницѣ русской исторіи, объ этихъ слав-
ныхъ дѣлахъ давно минувшихъ дней, о трудахъ и тревогахъ, пере-
несенныхъ имъ; съ какою сердечною любовью отзывался онъ о своихъ
боевыхъ товарищахъ, въ особенности о Ясонѣ Семеновичѣ Храповиц-
комъ, Дмитріѣ Алексѣевичѣ Бекетовѣ, Бедрагѣ и о неизмѣнномъ
его сотоварищѣ, храбромъ Чеченскомъ. Наскоко его на городъ Дрез-
денъ въ 1813 г. съ его партизанскимъ отрядомъ, и взятіе этого го-
рода, вопреки приказанія генерала Винцингероде, лишили его счастья
продолжать служить съ его партією, которая въ то время стала его
семьею. Защита императора Александра возвратила его въ дѣйствию-
щую армію, но онъ скитался въ ней какъ корсаръ, потерявшій свой
корабль. Въ это время А. И. Чернышевъ приглашалъ его къ себѣ
въ партію; но могъ ли онъ поступить подъ команду новичку-parti-
зану, хотя уже прославившемуся взятіемъ Берлина, ему, виновнику
этого рода военныхъ дѣйствій, уже стяжавшему себѣ славу отдѣль-
нымъ начальствомъ? За Краонское сраженіе, въ 1814 году, гдѣ онъ
командовалъ бригадою Бѣлорускаго и Ахтырскаго гусарскихъ полковъ,
отецъ мой былъ произведенъ въ генераль-маіоры, и съ нимъ случилось
такое происшествіе, которое вѣроятно уже никогда не случилось въ
лѣтописяхъ военно-служащихъ. Судьба заставила его испытать при-
мѣръ каприза и произвола, никогда до него, ни послѣ него не по-
вторявавшегося. Въ концѣ 1814 г. въ приказахъ было отдано, что онъ
изъ генераль-маіоровъ снова переименовывается въ полковники, какъ
произведенный по ошибкѣ. Съ него сняты были генеральскіе эполеты
и отданы ему обратно только въ 1815 году; болѣе года ему не воз-
вращали боевой награды. Онъ тогда обратился къ государю съ слѣ-
дующимъ письмомъ:

(Переводъ). Государь! Несправедливый рокъ обременяетъ въ ва-

шей державѣ чловѣка, котораго судьба сохраняла такъ долго на поляхъ чести. Соболаговолите взглянуть взоромъ снисходительнымъ не на мои заслуги, а на горестъ солдата, который не заслужилъ подобной участи. Я не позволю себѣ напомнить вашему величеству дни сраженій, въ которыхъ я участвовалъ, ихъ число составляютъ только ихъ достоинство, знаю это и потому блескъ ихъ оставилъ во мнѣ одно воспоминаніе, что жизнь и совѣсть моя остались безупречны, нѣтъ, государь, не буду утруждать васъ подробностями моей службы, недостойной вашего вниманія; она выразится двумя словами: четырнадцать лѣтъ военнаго поприща, и ни одного упрека. Въ Пруссіи, Турціи, Швеціи, Россіи и Германіи, вездѣ гдѣ у вашего величества были враги, я сражался съ ними и чинъ генеральскій былъ недавно наградой моей службы. Я смѣлъ думать, что ваша воля, объявленная военными властями, непреложна и не поколебался надѣтъ на себя знаки моего новаго достоинства; какъ вдругъ по призову, котораго я до сихъ поръ не понимаю, я былъ лишенъ почестей, которыми ваше величество почтили самага усерднаго изъ вашихъ солдатъ. Соболаговолите, государь, быть моимъ судьей; удостойте вспомнить, что не я ходатайствовалъ о награжденіи моихъ слабыхъ заслугъ, но получивши награду, позвольте мнѣ просить васъ оставить ее за мною, ибо ваше величество могли неоднократно убѣдиться, что во мнѣ живетъ одно достоинство солдата, замѣнитъ вышихъ талантовъ—это безпредѣльная преданность и горячая любовь къ славѣ вашего оружія; эти чувства никогда не выходили изъ моего сердца и я ихъ всегда поддерживалъ дѣяніями, если не славными, то всегда достойными. Бывшій генераль-маіоръ Давыдовъ *).

*) (П о д л и н н и к ъ) Sire! Un sort que je crois injuste accable au sein de Vos états un homme que le hazard a si longtemps pargné au hamp d'honneur; daignez jeter un regard d'indulgence non point sur mes services, mais sur la douleur d'un soldat qui n'a pas mérité d'y être en proie. Je ne prétends point rappeler à Votre Majesté les journées où j'ai combattu; leur fréquence est leur unique mérite, je le sais et le peu d'éclat qu'elles ont jetté sur ma vie est trop payé par le souvenir d'une conscience sans tâches, non, Sire, je ne prétends pas m'étendre sur les détails d'une carrière peu féconde en exploits dignes de Vous être présentés... L'histoire de ma vie se réduit à deux mots: quatorze ans de travaux militaires et pas un reproche à me faire. En Prusse, en Turquie, en Russie, en Allemagne et en France, partout où Votre Majesté eut des ennemis, mon bras les a combattus, et le titre de Général qui m'a été accordé dernièrement, devint enfin le prix de mes services. Un ordre que les autorités militaires ont annoncé en Votre auguste nom me parait irrevocable et je ne balançais plus à prendre les attributs de mon grade, quand tout-à-coup je me vis par un arrêt, que je ne puis encore comprendre, dépouillé des honneurs qu'il avait plu à Votre Majesté d'accorder au plus zélé de ses soldats. Daignez, Sire,

Отцу моему отдали старшинство со дня сраженія, но подобнаго примѣра, къ счастью для другихъ, уже болѣе не встрѣчалось. Причиною тому, какъ говорили, было то, что государь не желалъ произвести дядю моего, Александра Львовича Давыдова, и какъ справки объ этомъ, произведенъ ли онъ, или нѣтъ, были затруднительны по случаю военнаго времени, то рѣшили объявить въ приказахъ, что всѣ Давыдовы, произведенные въ генераль-маіоры, снова переименовываются въ полковники. Оказалось, что только одинъ отецъ мой былъ генераль-маіоромъ. Послѣ окончательнаго его производства ему хотѣли дать прекрасную конно-егерскую бригаду, стоявшую около его имѣнія въ Орловской губерніи, но онъ отъ нея отказался, имѣя въ виду, что надобно будетъ сбрить усы, которые въ то время носила только одна легкая кавалерія. Онъ не могъ разстаться съ его, по его выраженію, красой природы чернобурой въ завиткахъ, и для сохраненія ихъ, предпочелъ жизнь въ Кременчугѣ, въ скучной должности начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, которымъ тогда командовалъ кн. Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, племянникъ Суворова. Въ это время онъ влюбился въ Злотницкую, польку (впослѣдствіи замужемъ за княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, католикомъ), и желая вступить съ нею въ бракъ, не имѣлъ на это средствъ. Имѣніе было запущено и разстроено, доходы самые незначительные, да и тѣ поглощались уплатою казеннаго долга, лежащаго на имѣніи, по дѣлу дѣда моего. Къ счастью, друзья его, во главѣ ихъ графъ Закревскій, въ то время дежурный генераль, довели это обстоятельство до свѣдѣнія государя, который повелѣлъ сложить долгъ казны и дать отцу моему аренду въ 6,000 р. ассигн. Его свадьба разстроилась и онъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ государя, съ отказомъ отъ полученной имъ аренды, данной ему, какъ онъ предполагалъ, въ виду имѣющейся быть свадьбы *).

un seul instant être mon juge et Vous rappeler que je n'ai point sollicité la récompense de mes faibles services, mais du moment qu'elle m'a été accordée, j'ose Vous demander qu'elle me soit laissée, d'autant plus que Votre Majesté a dû se convaincre plus d'une fois, qu'au défaut de talents supérieurs, j'ai toujours fait preuve des premiers vertus d'un soldat... d'un dévouement sans bornes et d'un amour ardent pour la gloire de Vos armes, sentiments qui ne sont jamais sortis de mon coeur et que j'ai si souvent appuyés par des actions si non glorieuses du moins toujours honorables. L'ex-général Denis Dawidoff.

*) Мы получили отъ В. Лыкошина, при посредствѣ А. В. Рачинскаго, въ числѣ прочихъ бумагъ, слѣдующее письмо Д. В. Давыдова къ его товарищу и другу С. Н. Ланскому, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Писано въ обстоятельствахъ, которыя сильно задѣли самолюбіе писавшаго. Въ бытность въ Кіевѣ, Д. В. влюбился въ Злотницкую, и получилъ ея

Государь оставилъ ее за нимъ. Въ 1822 году, уже женатый на матери моей Софьѣ Николаевнѣ Чирковой, дочери генераль-майора Чиркова, онъ вышелъ въ отставку, по случаю отказа императора Александра на двукратное представленіе Ермолова о назначеніи отца моего начальникомъ кавказской линіи, и поселился въ Москвѣ въ собственномъ, имъ купленномъ домѣ на Знаменкѣ. Покупка этого дома обнаруживаетъ вполнѣ военную беззаботность и довѣрчивый характеръ моего отца. При осмотрѣ его продавецъ тщательно старался не допускать его въ одну комнату, ея потолокъ грозилъ ежеминутнымъ паденіемъ. Отецъ мой поддался на означенную тактику продавца и не любопытствовалъ даже войти въ нее. Несмотря на совѣты моей матери, совершилъ купчую и весьма довольный, немедленно переѣхалъ въ домъ. Онъ сдѣлалъ изъ этой комнаты свой кабинетъ и безопасно жилъ тамъ, все ожидая когда потолокъ упадетъ. Грустныя происшествія 14-го декабря 1825 г. не имѣли ни малѣйшаго вліянія на его судьбу, несмотря на его дружбу почти со всѣми членами южнаго и сѣвернаго обществъ. Причиною тому былъ характеръ моего отца, не соответствовавшій какимъ-либо заговорамъ и образъ мыслей его вполнѣ монархическій, при которомъ онъ не допускалъ даже никакого раздѣленія власти. Онъ не понималъ даже возможности учрежденія въ Россіи какихъ-либо палатъ, и всегда говорилъ: *qu'il aime mieux l'arbitraire d'un grand tyran, mais unique, que l'arbitraire soroudré d'éloquence d'une masse de petits tyrans* (онъ лучше допускаетъ тирана одноличнаго, хотя великаго, чѣмъ массу маленькихъ, подкрашенныхъ краснорѣчіемъ). Что всего болѣе спасло его отъ заговора, такъ это былъ отвѣтъ, имъ данный двоюродному брату своему Василью Львовичу. Южное общество долго не рѣшалось завербовать его; но однажды оно поручило Василю

и родителей согласіе на бракъ. Между тѣмъ, вынужденный по дѣламъ своимъ отлучиться, онъ узналъ, что, въ его отсутствіе, она была помолвлена съ княземъ П. Голицынымъ, адъютантомъ Раевского, котораго корпусный штабъ былъ въ то время въ Кіевѣ». Вотъ это письмо, приводимъ его буквально:

«Полагалъ приехавши обратно въ Новомосковскъ найти тебя переехавшаго уже къ намъ—но не тутъ-то было! Ты, подобно Куку имеешь страсть водиться съ дикими, или, подобно Мунго-Парку беседствуешь съ готентотами— потерявъ надежду видѣть тебя у себя, я рѣшился послать къ тебѣ въ Ореховъ привезенной мною тебѣ подарокъ изъ Полтавы—онъ мнѣ самому присланъ изъ Франціи изъ якобинскаго клуба въ которомъ я членъ. Я уверенъ, что подарокъ сей тебѣ понравится—Прости любезной другъ, я завтра чуть светъ еду въ Кіевъ, отъ куда еслн отпустить поеду въ Москву но къ 10 января всю буду въ Кіевѣ—а сюда съ весеннею розою—то-есть въ мартѣ мѣсецѣ привезу сюда жену или дѣвку. Твой другъ Денисъ Давыдовъ».

Львовичу сдѣлать ему объ этомъ предложеніе. Послѣ нѣкотораго приготовленія, онъ предложилъ отцу вступить въ ихъ общество, и на вопросъ, въ чемъ его цѣль, онъ объяснилъ ему, что это въ родѣ нѣмецкаго тугендбунта. „Полно, Василій Львовичъ; я, братъ, этого не понимаю; бунтъ, такъ бунтъ русскій; тотъ, хоть погуляетъ, да бросить; а нѣмецкій—гулять не гуляетъ, только мутитъ всѣхъ. Я тебѣ прямо говорю, что я пойду его усмирять“.

Дядя мой не отрекся отъ своей мысли и написалъ отцу записку пригласительную. На ней онъ написалъ тотъ же отвѣтъ, и когда эта записка была представлена государю, то онъ сказалъ: „Я былъ увѣренъ, что Денисъ Давыдовъ въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ, а теперь вижу, что онъ ни о чемъ не знаетъ“.

Знаю достоверно, что часть заговорщиковъ, въ томъ числѣ М. Θ. Орловъ, когда имъ нужно было переговорить между собою о чемъ-либо касающемся ихъ дѣла, и при этомъ находился отецъ мой, выслали его вонъ изъ комнаты, чтобы не замѣшать неповиннаго. Во время Персидской кампаніи отецъ мой, имѣя уже 4-хъ дѣтей, при первомъ призывѣ государя, полетѣлъ подъ знамена обожаемаго имъ А. П. Ермолова; но съ паденіемъ его, всѣ приближенные его и родные были удалены изъ края. Это заставило моего отца написать весьма откровенное письмо къ В. Θ. Адлербергу, для представленія государю, и вернуться въ Россію.

Въ 1830 году онъ, уже имѣя 6 человекъ дѣтей, выпросился самъ въ дѣйствующую армію при возстаніи Польши и помню очень этотъ послѣдній пылъ умирающаго гладиатора; помню, какъ десятилѣтнимъ мальчишкой умолялъ я его взять меня съ собою, и какъ обливался горячими слезами отъ его отказа, но за то въ награду моихъ преждевременныхъ геройскихъ замашекъ, онъ требовалъ отъ моей матери, чтобы мнѣ бывали прочитаны присылаемыя имъ реляціи.

Послѣ кампаніи 1831 года, отецъ мой, уже въ чинѣ генераль-лейтенанта, жилъ въ своемъ имѣніи Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, въ селѣ Верхняя Маза, гдѣ сталъ горячо заниматься приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ своихъ боевыхъ воспоминаній и совою охоту. Тамъ колыбель и могила почти всѣхъ послѣднихъ поэтическихъ и многихъ поэтическихъ его произведеній. Эти послѣднія преимущественно проявились въ городѣ Пензѣ, гдѣ онъ проводилъ зиму въ 1833 году. Тамъ встрѣтился онъ съ молодою дѣвушкою Е. Д. Золотаревой (впослѣдствіи замужемъ за Мацневымъ), и ей посвящалъ свои послѣдніе напѣвы. Для нея написаны: „Рѣчка“, „Я васъ люблю“, „Море воетъ“, вальсъ, помѣщенные въ собр. его соч., т. III, на стр. 40, 42 и 45. Т. III. Поэту всегда нужны слушатели, и я помню,

что иногда при рожденіи поэтическаго его дѣтища, онъ бралъ меня, 12-лѣтняго мальчика, и съ жаромъ читалъ мнѣ свои стихи, которыми я внималъ съ любовью, но столь же мало понималъ ихъ, какъ няня Пушкина. Листы, на которыхъ писаны и проза и стихи, напоминаютъ іероглифы по трудности ихъ чтенія отъ безпрестанныхъ помарокъ. Онъ былъ вообще очень строгъ относительно оборотовъ рѣчи и тщательно разрабатывалъ свои произведенія. Статьи его появлялись тогда въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Сенковскаго и въ „Современникѣ“ Пушкина. Здѣсь встаетъ вспомнить, что Сенковскій, по его привычкѣ; „исправлялъ слогъ статей, печатавшихся въ редактируемомъ имъ „Библіотекѣ“, имѣлъ дерзость совершенно портить крайне своеобразное изложеніе статей моего отца. Пушкинъ, узнавъ объ этомъ, писалъ къ Денису Васильевичу; „Сенковскому учить тебя русскому языку, все равно, что внуку учить Потемкина“...

Печатаемыя нынѣ въ „Русской Старинѣ“ „Воспоминанія“ составлены отцемъ моимъ въ 1833 и 34 годахъ. Онѣ въ послѣднее время, въ 1860 году, переписаны были набѣло покойнымъ братомъ моимъ, полковникомъ Денисомъ Денисовичемъ Давыдовымъ, издавшимъ вмѣстѣ со мною въ 1860 году сочиненія отца. Весьма отрывочныя, не большія выдержки изъ „Воспоминаній о польской кампаніи“ приведены тамъ на стр. 106 до 117 собр. соч моего отца, т. III.

Несмотря на прозаическій и поэтическій талантъ моего отца, онъ далеко не былъ твердъ ни въ русской грамматикѣ, ни въ правописаніи, за то исторію какъ древнюю, такъ и новѣйшую онъ зналъ въ совершенствѣ, особенно исторію войнъ отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ, и удивлялъ всѣхъ памятью на числа и годы историческихъ событій. Жившій при насъ, дѣтяхъ, учителемъ русскаго языка А. И. Банниковъ обязанъ былъ дома исправлять его галлицизмы и грамматическія ошибки. Литера ъ рѣшительно не давалась ему и часто поэтическія вольности стиховъ его происходили отъ неумѣнія вмѣстить мысль въ грамматическую раму. Въ послѣдніе годы его жизни заботы о насъ, старшихъ сыновьяхъ его, меня и брата Николая, много отнимали у него времени отъ любимыхъ его литературныхъ трудовъ. Въ отношеніи дѣтей своихъ онъ, подъ оболочкою равнодушія, былъ самый горячій и внимательный отецъ. Будучи слезливъ какъ женщина и самаго мягкаго сердца, онъ часто принималъ на себя маску строгости и суровости, разбивавшіяся отъ первой слезливой просьбы каждаго изъ насъ. Въ домашнемъ быту онъ былъ вполнѣ образцовый семьянинъ, весьма аккуратной жизни. Вставалъ регулярно въ 4 часа утра, зимою и лѣтомъ, садился писать, завтракалъ въ 9 часовъ при утреннемъ чаѣ, гулялъ или лучше сказать производилъ усиленную ходьбу, непременно

столько-то верстъ по измѣренному имъ неоднократно саду; обѣдалъ въ 3 часа и засыпалъ въ креслѣ на нѣсколько минутъ въ пылу самаго живого разговора съ усиленнымъ храпомъ, продолжая давать отвѣты. Потомъ снова письменныя занятія и наконецъ вечеромъ шутки и разговоры, всегда оживленные и интересные за вечернимъ чаемъ, а въ 10 часовъ покой. Вотъ жизнь его въ послѣдніе годы; при этомъ самая умѣренная пища, рюмка водки, рюмка или двѣ несчастнаго vin de graves за столомъ. Но за то повсюду и всегда его сопровождала неизмѣнная его трубочка, которую онъ набивалъ самъ и курилъ цѣлый день, несмотря на свои недуги, кашель и удушье. Онъ умеръ 54 лѣтъ, отъ апоплексическаго удара, не успѣвши докончить ко мнѣ письмо!

Находящіеся нынѣ въ распоряженіи „Русской Старины“ „Воспоминанія“ составляютъ двѣ большія тетради: они были окончательно составлены отцомъ въ 1836 году. При пріѣздѣ отца въ Петербургъ въ этомъ году, онъ при мнѣ читалъ по одной изъ нихъ: „Воспоминанія о польской кампаніи 1831 г.“ — нѣкоторые отрывки генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому. Онъ ихъ сначала готовилъ для печати; но увлекшись раскрытіемъ истины о дѣйствіяхъ лицъ, игравшихъ въ этой кампаніи главныя роли, самъ увидѣлъ, что рассказы его вышли изъ предѣловъ печатной рамки и могутъ только оставаться какъ личныя воспоминанія, собранныя во-едино въ ожиданіи лучшихъ дней.

Нынѣ они настали.

Вас. Д. Давыдовъ.

Отъ редакціи: «Записки партизана Давыдова» явятся вполне въ нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ книгъ «Русской Старины»; нынѣ же замѣтимъ, что кромѣ указываемыхъ почтеннымъ Вас. Денис. Давыдовымъ, — болѣе объемистыя выдержки сдѣланы покойнымъ кн. П. В. Долгоруковымъ въ брошюрѣ озаглавленной: «Записки Д. В. Давыдова» Лондонъ, 1863 г. въ 8 д. Но эта брошюра — весьма недобросовѣстная спекуляція: издатель откинулъ почти треть, при томъ самой существенной части записокъ, въ которыхъ авторъ выказываетъ взглядъ на польское дѣло, съ точки зрѣнія вполне русскаго человѣка; затѣмъ въ дальнѣйшихъ мѣстахъ кн. Долгоруковъ повыбросилъ лишніе слова, строки, даже цѣлыя страницы, сдѣлавъ все отъ него зависѣвшее, чтобы придать весьма любопытному и немаловажному историческому документу — характеръ памфлета. Между тѣмъ полный правды и жизни рассказъ славнаго партизана въ дѣйствительности вовсе не имѣетъ этого характера.

Ред.

